

Алёна Сергеевна Козлова

юрист ООО «ЮБФ Консалтинг»,
студентка 1-го курса Российской школы частного права

Понятие предпринимательской группы для целей несостоятельности

DOI 10.37239/2500-2643-2024-19-2-181-200

В статье анализируется феномен предпринимательской группы для целей законодательства о несостоятельности. В настоящий момент отсутствие конвенционального подхода к предпринимательской группе, ее правосубъектности и конкурсоспособности не позволяет разрешить множество проблем конкурсного права (например, ответственности, возможности консолидации, распределения имущества между кредиторами, продажи имущества нескольких лиц в составе единого лота). В работе рассматриваются основные критерии предпринимательской группы: определен круг лиц, входящих в предпринимательскую группу; выявлены факторы, влияющие на устойчивость отношений внутри группы; обосновано наличие общегруппового интереса, отличного от интереса отдельных лиц, входящих в группу. Автор отмечает, что наиболее перспективным подходом к пониманию предпринимательской группы является рассмотрение товарищеской модели отношений внутри группы, поскольку восприятие через призму товарищества позволяет встроить институт банкротства предпринимательской группы в уже существующую систему.

Ключевые слова: банкротство, предпринимательская группа, материальная консолидация, процедурная консолидация, общегрупповой интерес

Введение

Внешние корпоративные отношения между субъектами предпринимательской деятельности, связанные с образованием предпринимательских групп и взаимным участием в капиталах друг друга, до настоящего времени недостаточно изучены в российском гражданском праве¹. Более-менее определенные критерии для констатации факта наличия предпринимательской группы разработаны в отраслях отечественного публичного права — налоговом, антимонопольном², гражданское же право регулирует только «вертикальные» концерны — материнские и дочерние общества, а также товарищеские отношения, отличающиеся от предпринимательских групп действием всех членов в собственном имущественном интересе³. Отсутствие единых подходов к пониманию правосубъектности (или ее отсутствия) группы компаний, а также пределов имущественной обособленности компаний — членов группы не позволяет разрешить множество проблем именно частного права, в том числе вопросов законодательства о несостоятельности (например, консолидации, распределения имущества между кредиторами и ответственности).

Говоря об определении предпринимательской группы, сначала стоит сказать, почему нами выбран именно этот термин. Представляется, что использование критериев отнесения лиц к предпринимательской группе из антимонопольного законодательства для целей банкротства может быть только ориентиром, поскольку, являясь сферой частного регулирования, законодательство о банкротстве должно учитывать всё многообразие и диспозитивность гражданских отношений. В связи с этим использование терминов, устоявшихся в отраслях публичного права, кажется нецелесообразным и, более того, способствует возникновению терминологической путаницы. Распространенность термина «предпринимательская группа» именно для целей банкротства подтверждается статистикой по судебной практике, где он используется преимущественно в делах о несостоятельности⁴. Кроме того, ранее именно термин «предпринимательская группа» предлагало ввести Министерство экономического развития РФ в проекте закона о банкротстве предпринимательских групп⁵. Аналогичной терминологией руководствуется Типовой закон ЮНСИТРАЛ о несостоятельности предпринимательских групп⁶. Термин же «корпоративная группа», безусловно, также может использоваться для целей банкротства⁷, но носит

¹ См.: Суханов Е.А. О правовом статусе концернов в современной зарубежной литературе // Вестник гражданского права. 2017. № 4. С. 283–295.

² См., напр.: ст. 9 Федерального закона от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции»; ст. 105.1 НК РФ.

³ См.: Суханов Е.А. О правовом статусе концернов в современной зарубежной литературе.

⁴ Данные статистики с сайта *caselook.ru* свидетельствуют о том, что термин «предпринимательская группа» в категории дел о несостоятельности используется в 112 судебных актах.

⁵ См.: Законопроект о внесении изменений в закон о банкротстве в части установления особенностей банкротства предпринимательских групп. URL: <https://rg.ru/documents/2011/12/16/bankr-site-dok.html>.

⁶ См.: Типовой закон ЮНСИТРАЛ о несостоятельности предпринимательских групп и Руководство по его принятию. URL: https://uncitral.un.org/sites/uncitral.un.org/files/mediadocuments/uncitral/ru/19_11348_mloegi_ru.pdf.

⁷ Вновь обращаясь к статистике, необходимо отметить, что термин «корпоративная группа» является даже более распространенным: в категории дел о банкротстве он используется в 591 судебном акте.

более узкий характер⁸, поскольку не включает в себя физических лиц — индивидуальных предпринимателей и бенефициаров предпринимательской группы.

Поэтому объектом настоящего исследования является понятие предпринимательской группы для целей законодательства о несостоятельности, а предметом — критерии отнесения группы лиц к предпринимательской группе.

Целью данной работы выступает выявление определения предпринимательской группы для целей банкротства. Для ее достижения следует сконцентрироваться на следующих основных аспектах: 1) определить круг лиц, входящих в предпринимательскую группу; 2) выявить устойчивость отношений внутри группы; 3) обосновать наличие общегруппового интереса, отличного от интереса отдельных лиц, входящих в группу.

1. Лица, входящие в предпринимательскую группу

Автором настоящей работы отстаивается позиция, что в состав предпринимательской группы входят не только юридические лица, но и индивидуальные предприниматели, физические лица, являющиеся бенефициарами или контролирующими лицами группы. Предпринимательская группа в первую очередь является экономическим понятием, поэтому и включение в нее физических лиц обусловлено экономическими причинами: в числе предоставленных законом преимуществ участия в группе индивидуальных предпринимателей можно назвать снижение налоговой нагрузки за счет использования специальных режимов налогообложения или упрощение ведения финансовой отчетности; также стоит отметить, что наиболее интересно именно в процедуре банкротства раскрывается возможность индивидуальных предпринимателей использовать имущество на личные нужды, не связанные с ведением бизнеса, без оформления отчетности и уплаты каких-либо налогов за счет отсутствия ключевого признака — обособления имущества. Кроме того, включение индивидуальных предпринимателей в состав предпринимательской группы будет способствовать появлению дополнительных способов защиты прав кредиторов: в настоящий момент судебная практика не допускает привлечение к субсидиарной ответственности в банкротстве физических лиц⁹, что ограничивает возможности кредиторов по пополнению конкурсной массы.

Относительно включения в состав группы контролирующих лиц и бенефициаров всё более прозаично: как будет показано далее, целью введения в законодательство о банкротстве положений о несостоятельности предпринимательских групп служит появление новых инструментов по защите прав кредиторов, поскольку

⁸ См.: Горбашев И.В. Особенности несостоятельности (банкротства) корпоративных групп на основе материальной консолидации: сравнительно-правовое исследование: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2022. С. 26.

⁹ См.: постановления АС Уральского округа от 13.03.2019 по делу № А76-4488/2017; АС Московского округа от 24.07.2018 по делу № А40-114805/15 об отказе в удовлетворении заявлений о привлечении к субсидиарной ответственности контролирующих лиц в процедуре банкротства гражданина.

статистика удовлетворения требований кредиторов¹⁰ показывает, что существующие инструменты банкротного права, такие как привлечение к субсидиарной ответственности, с главной целью конкурсного производства не справляются¹¹. Включение же контролирующих лиц и бенефициаров в состав группы позволит, во-первых, сократить издержки ввиду автоматического прекращения их требований для целей банкротства, а во-вторых, включить в общую конкурсную массу активы, которые выводились на физических лиц, без дополнительных затрат на оспаривание сделок (не всегда успешное) с целью возврата такого имущества в конкурсную массу¹².

Подход, согласно которому в предпринимательскую группу включаются не только юридические, но и физические лица, в том числе бенефициары, поддерживается судебной практикой. Так, в рамках обособленного спора о привлечении к субсидиарной ответственности было установлено, что ответчики являются контролирующими должника лицами, входят в одну группу компаний *Union Tobacco Factory Group*, в результате действий лиц, контролирующих должника и группу, искусственно созданы условия возникновения у должника имущественного кризиса, который привел к его банкротству¹³. В другом деле при рассмотрении требования физического лица о включении в реестр кредиторов суды указали, что, поскольку оно является бенефициаром, в настоящем обособленном споре физическое лицо и должник рассматриваются как единый хозяйствующий субъект, имеющий единые экономические интересы; понятие юридической аффилированности не требует доказывания того, что участники одной группы формализовали свою деятельность как осуществляемую от имени единого хозяйствующего субъекта^{14, 15}.

Ключевым признаком, присущим членам группы, является правосубъектность каждого входящего в нее лица¹⁶, однако куда более сложным представляется вопрос о правосубъектности самой предпринимательской группы. Ряд исследователей в целом отрицают наличие хоть какой-нибудь самостоятельной правосубъектности у предпринимательской группы¹⁷. Такой вывод делается на основании

¹⁰ Согласно данным о результатах процедур в делах о банкротстве за 2022 год размер удовлетворенных требований кредиторов третьей очереди как по завершенным процедурам, так и по процедурам, находящимся в производстве, составляет менее 1%. См.: <https://download.fedresurs.ru/news/СВОДНАЯ%20ИНФОРМАЦИЯ%20О%20РЕЗУЛЬТАТАХ%20ПРОЦЕДУР%202022.pdf>.

¹¹ См.: *Горяев Н.Ю.* Тенденции развития законодательства в сфере несостоятельности (банкротства) предпринимательских групп // Институт несостоятельности (банкротства) в правовой системе России и зарубежных стран: теория и практика правоприменения: монография / отв. ред. С.А. Карелина, И.В. Фролов. М., 2020.

¹² См.: *McNeill R.St., Slaugh D.R.* Substantive Consolidation: A National Survey. Alexandria, 2019. P. 49.

¹³ См.: постановление АС Северо-Западного округа от 19.12.2022 по делу № А21-12386/2019. Аналогичный вывод см.: постановление АС Московского округа от 15.09.2021 по делу № А40-134998/2016.

¹⁴ См.: постановление АС Московского округа от 19.09.2022 по делу № А40-216247/2016.

¹⁵ См.: *Егоров А.В.* Влияние аффилированности на банкротство // *Цивилистика*. 2021. № 2. С. 20–67.

¹⁶ См.: *Горбашев И.В.* Указ. соч. С. 38.

¹⁷ См., напр.: *Ценов Г.В.* Обеспечение интересов головной компании в холдинге // *Закон*. 2007. № 3. С. 78; *Суханов Е.А.* Предприятие и юридическое лицо // *Хозяйство и право*. 2004. № 7. С. 3–11.

констатации принадлежности категории «юридическое лицо» именно к гражданскому праву¹⁸, оперирование же понятиями гражданского права в иных отраслях обусловлено необходимостью обеспечения интересов гражданского оборота¹⁹. Именно поэтому имущественно обособленные субъекты не могут образовывать объединение, также обладающее собственной правосубъектностью²⁰. Отмечается, что непосредственными участниками отношений являются лица, входящие в группу, а не сама группа²¹.

В английском праве вопрос об отсутствии самостоятельной правосубъектности предпринимательской группы развивался применительно к делам о деликтной ответственности. В частности, в деле *Adams v. Cape Industries plc* истцы добивались признания компаний, входящих в группу, единым субъектом для целей привлечения к ответственности за вред, причиненный работникам. Апелляционный суд указал, что, по существу, в деле идет речь о снятии с материнской компании корпоративной вуали, что возможно только при наличии у каждой компании, входящей в группу, самостоятельной правосубъектности²². Но и в случае с субсидиарной/корпоративной ответственностью у кредиторов появляется притязание на имущественную массу другого лица, а не происходит трансформация в единый субъект.

Другие же авторы, напротив, полагают, что отрицание правосубъектности группы только на том основании, что входящие в нее лица являются самостоятельными участниками оборота, противоречит и самой конструкции юридического лица: каждое в отдельности юридическое лицо образовано правоспособными и дееспособными лицами, однако самостоятельная правосубъектность юридического лица в этом случае не вызывает вопросов²³. Предпринимательская группа представляет собой сложный коллективный субъект права²⁴ и соответствует критериям, позволяющим констатировать наличие самостоятельной правосубъектности: самостоятельная единая воля; постоянный единый правовой интерес и цель; целевое обособленное имущество; организационное единство²⁵. Кроме того, правосубъектность предпринимательской группы обосновывается и через необходимость создания правовой определенности у участников оборота: «...недопустимо созда-

¹⁸ См.: *Авилов Г.Е., Суханов Е.А.* Юридические лица в современном российском гражданском праве // Вестник гражданского права. 2006. № 1. С. 14–25.

¹⁹ См.: *Маковский А.Л.* Надо ли вносить изменения в Гражданский кодекс? Маленькая иллюстрация к большим вопросам // Право и экономика. 1998. № 1.

²⁰ См.: *Суханов Е.А.* Предприятие и юридическое лицо. С. 11.

²¹ См.: *Полич С.Б.* Некоторые особенности правосубъектности лиц — участников гражданских и семейных отношений // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2018. № 4. С. 664–684.

²² См.: https://www.oxbridgenotes.co.uk/revision_notes/bcl-law-oxbridge-conflict-of-laws-bcl/samples/adams-v-dc-cape-industries-plc.

²³ См.: *Крипак И.И.* Сложный коллективный субъект права: проблемы общей теории и практики: дис. ... канд. юрид. наук. Кострома, 2006. С. 24.

²⁴ См.: *Лантев В.А.* Предпринимательские объединения: холдинги, финансово-промышленные группы, простые товарищества. М., 2008. С. 58.

²⁵ См.: *Крипак И.И.* Указ. соч. С. 38–40.

ние неопределенности у контрагентов такой группы, которые могут столкнуться с тем, что в какой-то момент перед ними возникнет самостоятельный (новый) участник оборота или, наоборот, растворится»²⁶.

Существует и промежуточная позиция, закрепляющая наличие у предпринимательской группы относительной правосубъектности только для отдельных видов отношений (например, для антимонопольных или налоговых)²⁷. Кроме того, ряд сторонников такой позиции указывают, что предпринимательские группы не могут в полной мере признаваться субъектами гражданских правоотношений, но они являются субъектами предпринимательского права²⁸. В этой части следует отметить, что деление отношений на гражданские и предпринимательские является искусственным²⁹, исходит из внешних различий, игнорируя юридическую сущность³⁰, и направлено на уклонение от обсуждения действительных проблем, связанных с доктринальным обоснованием правосубъектности предпринимательских групп. Судебная практика для некоторых целей признает группу единым субъектом: так, при рассмотрении вопроса о признании недействительным договора дарения ВАС РФ указал, что отсутствие прямого встречного предоставления является особенностью взаимоотношений основного и дочернего обществ, представляющих собой с экономической точки зрения «единый хозяйствующий субъект»³¹.

Такой ситуативный подход не соответствует принципу правовой определенности и, более того, использует конструкцию правосубъектности предпринимательской группы для обоснования не связанного с ней вопроса.

Не менее интересной представляется конструкция фиктивной правоспособности лица³², входящего в группу: ее сторонники исходят из того, что недопустимо смешивать юридическую личность и правоспособность. Фиктивность правоспособности группы компаний объясняется через аналогию с недееспособными физическими лицами: без воли нет личности, и в предпринимательской группе существует не воля, а лишь множество индивидуальных волей, а без воли нет и прав, поскольку право предполагает активное действие. В этом случае признаются максимум защищаемые интересы, а интересы необязательно предполагают личность.

Континентальное право традиционно предусматривает назначение для таких лиц опекуна. Пока управление имуществом принадлежит не номинальным субъектам,

²⁶ Османова Д.О. Правосубъектность отдельных правовых образований // *Хозяйство и право*. 2022. № 12. С. 3–26.

²⁷ См.: Шиткина И.С. *Холдинги: правовое регулирование и корпоративное управление*. М., 2006. С. 468.

²⁸ См.: *Портной К.Я.* Правовое положение холдингов в России: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003.

²⁹ См.: *Предпринимательское право России: итоги, тенденции и пути развития: монография* / отв. ред. Е.П. Губин. М., 2019.

³⁰ См.: *Иоффе О.С.* Избранные труды по гражданскому праву. Из истории цивилистической мысли. Гражданское правоотношение. Критика теории «хозяйственного права». 3-е изд., испр. М., 2009. С. 721.

³¹ Постановление Президиума ВАС РФ от 04.12.2012 № 8989/12 по делу № А28-5775/2011-223/12.

³² См.: *Micheler E.* *Corporate Personality // Company Law: A Real Entity Theory*. Oxford, 2023.

а другим лицам (например, опекуну), лицу, которому оно приписывается, не является субъектом юридической власти, которую дает его существование и которая, скорее, принадлежит как официальная его законному представителю³³. В то же время, поскольку все действия осуществляются опекуном в интересах представляемого лица, такому лицу предоставлены иски против недобросовестных действий представителя.

Ровно то же самое применимо и для предпринимательских групп: бенефициары группы оформляют для ведения бизнеса и реализации собственного интереса не одно юридическое лицо, а несколько. Это может быть обусловлено ограничением публичных рисков (например, налоговых) или какими-то иными целями — как законными (если для ведения деятельности необходима специальная правоспособность, в частности для страховой, банковской), так и противоправными (когда формируются центры прибыли и центры убытков для снижения долговой нагрузки на компанию, аккумулирующую активы). В таком случае отдельные юридические лица подобно опекунам являются держателями активов и реализуют все правомочия собственников в интересах группы и конечного бенефициара. Например, в английской судебной практике в деле *In Re Polly Peck International plc* судьей Р. Уокером было установлено, что одно из юридических лиц, входящих в группу компаний, используется контролирующими лицами не как самостоятельный участник гражданских отношений, а как инструмент финансирования деятельности других компаний в интересах группы (функционал компании заключался в выпуске облигаций, привлечении денежных средств от инвесторов и кредитовании лиц, входящих в группу). На основании этого сделан вывод о возможности привлечения материнской компании к корпоративной ответственности.

Вопрос о правосубъектности предпринимательских групп тесно связан с институтом товарищества. В российском праве исследования предпринимательских групп по большей части основаны на противопоставлении товариществу: товарищества принято рассматривать как объединение лиц для достижения каких-либо экономических целей, а предпринимательские группы представляют в качестве объединения капиталов, где лица находятся под контролем или во взаимозависимости по отношению друг к другу³⁴. Тем не менее такая дихотомия является не вполне обоснованной.

Так, в немецком праве некоторые товарищества признаются частично правосубъектными, в том числе когда речь идет о товариществе гражданского права (аналог простого товарищества в российском праве)³⁵. Однако правоспособными будут являться именно внешние товарищества, направленные на самостоятельное выступление в обороте. В свою очередь, товарищества, созданные только для регулирования внутренних отношений, субъектом права признаваться не будут³⁶.

³³ См.: *Salmond J.W.* Salmond on Jurisprudence. London, 1966. P. 278.

³⁴ См.: *Суханов Е.А.* О правовом статусе концернов в современной зарубежной литературе.

³⁵ См.: *Горева А.А., Жестовская Д.А.* Реформа законодательства о гражданских товариществах в Германии: перевод раздела 16 «Товарищество» Германского гражданского уложения // Вестник экономического правосудия РФ. 2022. № 6. С. 122–153.

³⁶ См.: Там же. С. 127.

В данном случае следует признать некоторую фикцию субъекта, поскольку иначе отношения товарищества излишне осложнялись бы договорными связями с множественностью лиц. Это подтверждается отсутствием меновой природы и синаллагмы у договора товарищества: все заключаемые сделки совершаются не для получения встречного предоставления, а для достижения цели, ради которой такое товарищество создано. Дополнительным аргументом в пользу правосубъектности простого товарищества служит внешнее проявление товарищеских отношений в представительстве: если не придавать субъектность товариществу, сложится ситуация, когда лицо, действующее от имени всех товарищей, в любом случае одновременно представляет и свои же интересы (поскольку лицо, не являющееся членом товарищества, не может управлять его делами), что противоречит природе представительства, когда интересы представителя и представляемого не являются тождественными.

О товарищеской природе отношений внутри предпринимательской группы говорит и сложившаяся судебная практика. Верховным Судом РФ заложен вектор, позволяющий для целей включения в реестр требований кредиторов и субординации требований квалифицировать отношения между аффилированными лицами в качестве товарищеских, поскольку при вступлении в правоотношения аффилированные лица преследуют цель не получения какого-либо встречного предоставления (квартир по договору долевого участия в строительстве), а осуществления совместной деятельности³⁷.

В другом деле в рамках рассмотрения спора о признании недействительным договора поставки сложились следующие отношения: между экспедиторской компанией (поставщик) и холдингом (покупатель) заключен договор поставки. Для финансирования приобретения товара экспедиторская компания заключила кредитный договор с банком. Товар приобретен у общества, которое, в свою очередь, приобрело его по цепочке сделок. При этом экспедиторская компания и общество являлись лицами, входящими в одну группу компаний. В ходе рассмотрения дела судами установлено, что общество не принимало какого-либо участия в отношениях, связанных с поставкой товара холдингу, целью заключения договора поставки между экспедиторской компанией и обществом являлось перераспределение прибыли от проекта, поскольку оба юридических лица контролировались одними бенефициарами, которые в это время были объединены общими предпринимательскими интересами. Всё исполнение по поставке в адрес холдинга осуществлено экспедиторской компанией, которая получила кредитные средства на приобретение товара в банке, взяла на себя расходы по его доставке от технологической компании до конечного покупателя. В связи с этим Верховный Суд сделал вывод, что фактически бенефициары, заключая цепочку договоров поставки, намеревались реализовать общий бизнес-проект, соединив возможности контролируемых ими юридических лиц и действуя совместно, и применил к отношениям по поставке положения о товариществе³⁸.

В действительности в настоящий момент простые товарищества субъектами права не признаются (п. 1 ст. 1041 ГК РФ). Однако на примере реформы немецкого

³⁷ См.: определения СКЭС ВС РФ от 01.03.2022 № 308-ЭС20-24350 (5), от 13.07.2022 № 309-ЭС18-13344 (4).

³⁸ См.: определение СКЭС ВС РФ от 11.05.2021 № 307-ЭС20-6073 (6).

права видно, что придание правосубъектности гражданским товариществам связано отнюдь не с эндогенными процессами изменения этого института, а с вполне практическими целями, обусловленными появлением постоянно действующих товариществ и необходимостью придания публичности таким объединениям³⁹. С точки зрения банкротного права объяснение правосубъектности предпринимательской группы через придание правосубъектности товарищеским отношениям способствует не только возможности признания такой группы несостоятельной в целом, но и применению к отношениям лиц, входящих в группу, положений о товариществах, что, по существу, приводит к констатации прекращения отношений между указанными лицами, объединению имущества, что по факту предполагает исследуемый институт материальной консолидации.

Следующим шагом после констатации квазисубъектности предпринимательской группы является определение наличия самостоятельной конкурсной способности либо же образования множественности на стороне должника в процедуре банкротства. В последние годы сразу несколько авторов опубликовали работы, посвященные вопросу о наличии конкурсной способности у предпринимательской группы: например, А.А. Сапрыкин и А.Е. Сеньшин указывают, что конкурсная способность предпринимательской группы следует из более справедливого удовлетворения требований кредиторов, возможности сокращения издержек и упрощения проведения процедуры банкротства⁴⁰. Но объяснять необходимость наделения предпринимательской группы конкурсной способностью одной только целесообразностью представляется неправильным, поскольку в этом случае совершается в некотором роде логическая ошибка: через последствия объясняется предпосылка.

Ключевым вопросом конкурсной способности предпринимательской группы является направленность процедуры банкротства не на личность, а на имущество⁴¹. Именно в силу этого допускается, например, банкротство имущественной массы недееспособных/несовершеннолетних, а также наследственной массы, которая вообще не связана с лицом. Поэтому основным аргументом против признания за предпринимательской группой конкурсной способности выступает тезис об отсутствии у предпринимательской группы обособленного имущества и самостоятельной имущественной ответственности по своим обязательствам каждого юридического лица, входящего в группу⁴². В качестве дополнительного аргумента отмечается, что организация бизнеса через создание предпринимательской группы направлена именно на ограничение ответственности и игнорирование этого принципа через признание предпринимательской группы несостоятельной в целом приведет к отрицанию самой концепции юридического лица⁴³.

³⁹ См.: *Горева А.А., Жестовская Д.А.* Указ. соч.

⁴⁰ См.: *Сапрыкин А.А.* К вопросу о конкурентоспособности предпринимательской группы // *Вестник арбитражной практики.* 2022. № 5. С. 28–40; *Сеньшин А.Е.* Правосубъектность предпринимательских групп в правоотношениях несостоятельности (банкротства) // *Актуальные проблемы российского права.* 2022. № 8. С. 111–117.

⁴¹ См.: *Шершеневич Г.Ф.* Конкурсный процесс. 3-е изд. М., 2021. С. 142.

⁴² См.: *Суханов Е.А.* О предмете корпоративного права // *Актуальные проблемы частного права: сб. ст. к юбилею П.В. Крашенинникова / отв. ред. Б.М. Гонгало, В.С. Ем. М., 2014.*

⁴³ См.: *Сапрыкин А.А.* Указ. соч.

Данные аргументы, по существу, отвечают не на вопрос «Возможно ли признать несостоятельной предпринимательскую группу?», а забегают вперед и указывают на последствия применения материальной консолидации. Проблема же конкурсной способности в большей степени связана с процедурной консолидацией и касается момента объединения производств: в случае наличия у предпринимательской группы конкурсной способности возможно ли первоначальное введение процедуры банкротства в отношении только одного лица, входящего в группу?

Конкурсная способность в целом аналогична пассивной возможности участвовать в цивилистическом процессе, поэтому ею обладают в том числе и некорпоративные объединения лиц. Иное приводило бы к невозможности защиты прав лиц, входящих в такие объединения (например, общественное объединение, не являющееся юридическим лицом, обладает процессуальной правоспособностью). Вместе с тем некоторые авторы придерживаются теории персонификации конкурсной массы, из чего следует, что при открытии процедуры банкротства сама конкурсная масса образует «юридическое лицо»⁴⁴, т.е. происходит сепарация имущества от личности, в связи с чем назначается арбитражный управляющий. Наиболее ярко такой подход можно проследить при банкротстве наследственной массы⁴⁵: процедура вводится в отношении обособленного имущества, которое находится в общей собственности наследников⁴⁶, при этом наследники получают статус лиц, участвующих в деле, а не должников⁴⁷.

Доводы против применения теории персонификации содержатся в работах Г.Ф. Шершеневича, который указывал, что при введении банкротства не прекращается правоспособность первоначального субъекта, в связи с чем невозможно создание нового субъекта и наделение его теми же самыми правами (имуществом). При этом применение такого подхода к наследственной массе считается оправданным, поскольку институт банкротства наследственной массы сам по себе предполагает выбытие наследодателя из указанных отношений⁴⁸.

Абсолютно аналогичная логика применима и к конкурсной способности предпринимательской группы. Более того, российскому праву уже известны примеры банкротства неправосубъектного образования — крестьянского (фермерского) хозяйства⁴⁹, являющегося разновидностью договора простого товарищества, и со-

⁴⁴ McJohn S.M. Person or Property? On the Legal Nature of the Bankruptcy Estate // Bankruptcy Developments Journal. 1994. Vol. 10. P. 465; Шишмарева Т.П. Институт несостоятельности в России и Германии. М., 2015. С. 98.

⁴⁵ См.: § 4 главы X Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ (ред. от 28.12.2022) «О несостоятельности (банкротстве)» (далее — Закон о банкротстве).

⁴⁶ См.: Институт несостоятельности (банкротства) в правовой системе России и зарубежных стран: теория и практика правоприменения: монография / отв. ред. С.А. Карелина, И.В. Фролов. М., 2020.

⁴⁷ См.: п. 48 постановления Пленума ВС РФ от 13.10.2015 № 45 «О некоторых вопросах, связанных с введением в действие процедур, применяемых в делах о несостоятельности (банкротстве) граждан».

⁴⁸ Шершеневич Г.Ф. Конкурсный процесс. С. 321.

⁴⁹ См.: § 3 главы X Закона о банкротстве.

вместного банкротства супругов⁵⁰. При этом отмечается, что теория персонифицированной конкурсной массы не входит в противоречие с институтом материальной консолидации⁵¹: на примере совместного банкротства супругов видно, что это само по себе не влечет консолидацию имущественных масс, а является основанием для назначения одного арбитражного управляющего и принятия иных мер, направленных на процессуальную экономию и более эффективное производство с целью защиты прав кредиторов.

Таким образом, предпринимательская группа должна обладать самостоятельной конкурсной способностью, что даже при текущем законодательном регулировании не входит в противоречие с непризнанием правосубъектности за товариществом. Для снятия противоречия с самостоятельностью юридической ответственности каждого из лиц — членов группы можно привести довод о том, что при открытии процедуры банкротства в отношении предпринимательской группы конкурсная масса сепарируется и становится самостоятельной юридической личностью, но поскольку, как правило, собственное имущество у предпринимательской группы отсутствует, на этапе введения процедуры банкротства размер конкурсной массы равен нулю. В последующем же, в ходе проведения процедуры банкротства, задачей арбитражного управляющего является наполнение этой конкурсной массы. Это может происходить путем получения доходов от продолжения осуществления деятельности в процедуре наблюдения с установлением справедливого порядка распределения денежных средств, оспаривания сделок и привлечения контролирующих лиц к субсидиарной ответственности в рамках внешнего управления и конкурсного производства; а также с помощью института материальной консолидации.

2. Устойчивость отношений внутри группы

Устойчивость отношений внутри предпринимательской группы возникает в результате того, что такое объединение не является случайным⁵². Подобные объединения всегда основаны на отношениях контроля⁵³. При использовании товарищеской модели предпринимательской группы следует вывести следующую формулу: в основании любой предпринимательской группы лежит договор товарищества, но не любой договор товарищества предполагает образование предпринимательской группы. В отличие от обычного товарищества гражданского права, где ряд независимых лиц объединяется для достижения общей цели, отношения товарищества внутри предпринимательской группы всегда связаны с отношениями

⁵⁰ См.: п. 10 постановления Пленума ВС РФ от 25.12.2018 № 48 «О некоторых вопросах, связанных с особенностями формирования и распределения конкурсной массы в делах о банкротстве граждан».

⁵¹ См.: *Анашкин С.П.* Теория персонифицированной конкурсной массы // Вестник экономического правосудия РФ. 2022. № 10. С. 199.

⁵² См.: *Шершеневич Г.Ф.* Курс торгового права. М., 2003. С. 277.

⁵³ См.: *Могилевский С.Д., Егорова М.А.* Правовые основания для развития положений о корпоративном контроле в гражданском законодательстве // Сб. науч. ст. III Междунар. науч.-практ. конф. «Актуальные проблемы предпринимательского и корпоративного права в России и за рубежом» (25 апреля 2016 года, г. Москва) / под общ. ред. С.Д. Могилевского, М.А. Егоровой. М., 2016.

корпоративного контроля⁵⁴, при этом такой контроль может быть построен как на отношениях юридической аффилированности (как правило, это материнские и дочерние компании⁵⁵), так и на отношениях экономической зависимости⁵⁶. Отмечается, что данные отношения можно охарактеризовать как отношения контроля корпоративного (связан с формальным юридическим участием в обществе) и экономического (детерминирован иными обстоятельствами, используется в том числе в тех случаях, когда бенефициары намеренно формируют такую структуру участия в капитале компаний, которая не подпадает под юридические критерии)⁵⁷.

Несмотря на то, что термин «аффилированность» используется и в гражданских, и в публичных отношениях, за последние 30 лет в законодательстве это понятие никакого развития не получило, в связи с чем получил обоснование институт фактической аффилированности⁵⁸. Конвенционально фактическая аффилированность заключается в общности экономических интересов, которая формально не прослеживается через организационную структуру, но позволяет оказывать влияние на принятие решений⁵⁹. В связи с информационной диспропорцией в способах доказывания заинтересованным лицам (арбитражным управляющим, кредиторам) необходимо привести хотя бы косвенные доказательства, свидетельствующие о нетипичности отношений и наличии фактической аффилированности, после чего бремя опровержения переходит на такое аффилированное лицо⁶⁰. Хотя в доктрине отмечается, что нередко аффилированному лицу затруднительно привести разумное экономическое обоснование в отношении своего сомнительного с точки зрения оборота поведения даже в тех случаях, когда оно обусловлено не противоправными целями вывода активов⁶¹.

В рамках применения идеи фактической аффилированности для констатации факта наличия предпринимательской группы представляется, что ключевыми обстоятельствами должны являться именно наличие контроля и возможность влияния на принятие решений. Так, в ряде дел судами прямо указано, что критерием отнесения компаний к предпринимательской группе является их связанность от-

⁵⁴ См.: Горбашев И.В. Указ. соч. С. 49.

⁵⁵ См.: ст. 67.3 ГК РФ; ст. 6 Федерального закона от 08.02.1998 № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью»; ст. 6 Федерального закона от 26.12.1995 № 208-ФЗ «Об акционерных обществах».

⁵⁶ См.: Габов А.В. Экономическая зависимость юридических лиц: отдельные размышления о развитии института // Гражданское право. 2022. № 3. С. 11–21.

⁵⁷ См.: Арнаутов Д.Р. Контроль над юридическим лицом как полиотраслевой институт права // Предпринимательское право. Приложение «Право и Бизнес». 2020. № 2. С. 27–34.

⁵⁸ См.: Габов А.В. Аффилированность в делах о несостоятельности (банкротстве) // Гражданское право социального государства: сб. ст., посвященный 90-летию со дня рождения профессора А.Л. Маковского (1930–2020) / отв. ред. В.В. Витрянский, Е.А. Суханов. М., 2020.

⁵⁹ См.: определение СКЭС ВС РФ от 15.06.2016 № 308-ЭС16-1475.

⁶⁰ См.: определения СКЭС ВС РФ от 26.05.2017 № 306-ЭС16-20056 (6), от 14.02.2019 № 305-ЭС18-17629.

⁶¹ См.: Шайдуллин А.И. Размышления о фактической аффилированности: выявить, а не наказать за не вполне разумное поведение // Цивилистика. 2021. № 3. С. 204–205; Шевченко И.М. К вопросу о рассмотрении в делах о банкротстве требований, основанных на отношениях внутрикорпоративного (внутригруппового) характера // Арбитражные споры. 2018. № 4. С. 36–54.

ношениями значительного влияния или контроля: в частности, перевод деятельности с одного общества на другое после проведения налоговой проверки, в том числе перевод работников, передача исключительных прав по использованию интернет-доменов, а также изменение характера движения денежных средств по счетам свидетельствуют о наличии единого центра принятия решений у компаний, входящих в предпринимательскую группу⁶².

В другом деле вхождение компаний в группу установлено на основании совершения невыгодных для конкретного общества сделок по приобретению непрофильных активов, которые в последующем безвозмездно использовались другими лицами той же группы⁶³. Кроме того, Верховным Судом РФ приведен примерный перечень обстоятельств, которые свидетельствуют о наличии подконтрольности компаний единому бенефициару: действия субъектов синхронны в отсутствие к тому объективных экономических причин; они противоречат экономическим интересам одного члена группы и одновременно ведут к существенной выгоде другого члена этой же группы; данные действия не могли иметь место ни при каких иных обстоятельствах, кроме как при наличии подчиненности одному и тому же лицу; и т.д.⁶⁴

Особняком стоит блок судебной практики, посвященный установлению статуса бенефициара в отношении конкретного лица. Так, в деле о банкротстве Международного промышленного банка статус бенефициара в отношении С.В. Пугачева был установлен на основании осуществления им действий по трастовому договору через офшорную структуру, а также свидетельских показаний, из которых следует, что без С.В. Пугачева не могло быть принято ни одно решение в банке: он лично проводил собеседования с топ-менеджментом, согласовывал любые сделки (формально не занимая никаких должностей в банке; был установлен определенный порядок согласования любых решений и сделок банка с ним). Кроме того, С.В. Пугачев занимал отдельный рабочий кабинет в банке, где проводил переговоры с сотрудниками и контрагентами, в том числе с Банком России⁶⁵.

В другом деле статус бенефициарного владельца установлен в отношении лица, не занимающего никаких должностей в органах управления компаний, входящих в группу, на том основании, что он проводил переговоры и участвовал во встрече с министром сельского хозяйства РФ, представляя интересы предпринимательской группы⁶⁶.

Таким образом, предпринимательская группа обладает признаком устойчивости, основанной на фактической и юридической аффилированности, что, в свою очередь, обуславливает наличие у группы интереса, отличного от интересов отдельных участников.

⁶² См.: постановления АС Северо-Западного округа от 13.02.2020 по делу № А56-140617/2018, от 17.08.2017 по делу № А56-44238/2016.

⁶³ См.: постановление АС Северо-Кавказского округа от 15.12.2022 по делу № А53-26905/2020.

⁶⁴ См.: определение СКЭС ВС РФ от 14.02.2019 № 305-ЭС18-17629.

⁶⁵ См.: постановление Девятого ААС от 24.06.2015 по делу № А40-119763/2010 (оставлено без изменений постановлением АС Московского округа от 01.10.2015; определением ВС РФ от 29.01.2016 № 305-ЭС14-3834 отказано в передаче дела на рассмотрение в Судебную коллегия).

⁶⁶ См.: постановление АС Северо-Кавказского округа от 03.11.2022 по делу № А63-4455/2018.

3. Наличие общегруппового интереса, отличного от интереса отдельных лиц, входящих в группу

В юридической литературе до настоящего времени остается неопределенным вопрос о наличии у самого юридического лица собственного интереса⁶⁷. Так, Д.И. Степанов приходит к выводу о том, что, являясь фикцией, юридическое лицо может обладать только таким интересом, который вменен ему лицами, формирующими его волю⁶⁸. Вопрос же об интересах предпринимательской группы осложняется тем, что одновременно существуют несколько фикций, а также интересы одного или нескольких бенефициаров и контролирующих лиц, которые могут вступать в противоречие с интересами участников (особенно миноритарных)⁶⁹.

Указание на возможность наличия у дочерней компании собственного интереса имеется и в доктрине Розенблюма, согласно которой интерес контрактного лица (дочерней компании) не нарушается, если совершается какая-либо убыточная конкретно для этого лица сделка (при этом она не должна быть безвозмездной или приводить к банкротству общества), которая является выгодной для группы в целом⁷⁰. Тем не менее преимущественная позиция заключается в том, что групповой интерес равен интересу головной компании⁷¹.

Верховный Суд РФ также активно развивает теорию группового интереса. Так, в деле ООО «Матюшкинская Вертикаль» отмечено, что, помимо непосредственных персональных интересов, у организации, входящей в корпоративную группу, имеется, как правило, и групповой интерес, конечной целью которого является прибыльность деятельности группы в целом. Реализация группового интереса способствует процветанию не только корпоративной группы, но и каждого ее участника, в том числе того, который, формально пренебрегая своими персональными интересами, совершил для себя (и своих кредиторов) невыгодную сделку. Определяя баланс между общим интересом корпоративной группы и личными интересами ее участника, необходимо исходить из того, что не подлежат квалификации как незаконные те действия участника группы, которые, будучи направленными на реализацию группового интереса, не стали причиной объективного банкротства такого участника⁷². При этом наличие у контролирующего лица экономических мотивов в совершении сделки само по себе не исцеляет ее от пороков

⁶⁷ См.: *Степанов Д.И.* Интересы юридического лица и его участников // Вестник экономического правосудия РФ. 2015. № 1. С. 29–83; *Шиткина И.С.* Выявление и учет общих экономических интересов группы компаний (участников холдинга) при совершении крупных сделок и сделок, в совершении которых имеется заинтересованность // Закон. 2019. № 6. С. 172–181; *Михайлов С.В.* О корпоративном интересе // Корпорации и учреждения. М., 2007. С. 119–126; *Данилова С.С.* Интерес хозяйственного общества в корпоративном праве РФ и Германии: понятие, содержание // Предпринимательское право. 2013. № 3. С. 37–46.

⁶⁸ См.: *Степанов Д.И.* Указ. соч.

⁶⁹ См.: постановление КС РФ от 24.02.2004 № 3-П.

⁷⁰ См.: *Горбачев И.В.* Указ. соч. С. 45–46.

⁷¹ См.: Там же. С. 47.

⁷² См.: определение СКЭС ВС РФ от 24.02.2022 № 305-ЭС20-11205 (3).

недействительности с точки зрения критерия причинения вреда кредиторам конкретного должника⁷³.

Одним из ключевых примеров нивелирования интересов конкретного участника группы является кредитование, которое признается выгодным для группы в целом: сложившаяся в связи с этим судебная практика закрепляет, что предоставление поручительства членом предпринимательской группы в обеспечение заемного обязательства другого участника группы, хотя и является для поручителя принятием на себя обязательств безвозмездно, должно рассматриваться в контексте внутригрупповых связей. Из этого делается вывод о действительности такого договора поручительства, поскольку предоставление обеспечения либо является условием получения кредита, либо влияет на их выгодность, от чего выигрывают все члены группы⁷⁴. При этом не любое внутригрупповое поручительство будет выгодным в контексте группового интереса: так, в одном из дел Суд указал, что выгода от кредитования отсутствовала, поскольку исполнение обязательства не сопровождало получение заводом как поручителем какой-либо выгоды, а, напротив, будучи непосредственно связанным с закреплением прав участия, было направлено исключительно на реализацию интересов нового акционера и не несло для завода благоприятных экономических последствий⁷⁵. Это определение ярко демонстрирует, как отождествляются интересы всей группы и каждого ее члена.

Не менее важным представляется вопрос об общегрупповом интересе в контексте понимания предпринимательской группы в качестве товарищества. Зачастую внутригрупповое распределение ролей основано на формировании внутри группы центров прибыли и убытка. Сами понятия представляют собой явление, при котором конечный бенефициар или бенефициары предприятий (бизнесов) устраивают или перестраивают модель ведения бизнеса таким образом, что одно из предприятий аккумулирует в себе неисполненные и (или) вновь получаемые обязательства перед кредиторами, причем всех либо некоторых членов группы, тем самым становясь центром убытков, а другое, напротив, используется в качестве конечного получателя перенаправляемых потоков денежных средств, имущества, иных активов⁷⁶.

На наличие злоупотребления при выстраивании отношений таким образом неоднократно указывал и Верховный Суд РФ: в одном из дел отмечено, что неоднократное воспроизведение одних и тех же результатов хозяйственной деятельности у последовательно сменяющих друг друга производственных единиц с конкретным функционалом внутри корпоративной группы в виде накопления значительной долговой нагрузки перед независимыми кредиторами с периодическим направлением этой единицы в процедуру банкротства для списания долгов и созданием новой, не обремененной долгами, указывает на цикличность бизнес-процессов внутри группы с заведомым разделением предпринимательской деятельности на

⁷³ См.: определение СКЭС ВС РФ от 24.02.2022 № 305-ЭС20-15145 (5).

⁷⁴ См.: определения СКЭС ВС РФ от 08.06.2020 № 307-ЭС16-7958, от 11.07.2019 № 305-ЭС19-4021, от 28.01.2021 № 308-ЭС20-15308.

⁷⁵ См.: определение СКЭС ВС РФ от 19.11.2020 № 307-ЭС20-2151 (4–8).

⁷⁶ См.: определение АС Ханты-Мансийского автономного округа — Югры от 28.02.2023 по делу № А75-17536/2019.

убыточные и прибыльные центры⁷⁷. Последствием выстраивания такой структуры бизнеса, которая в дальнейшем причиняет вред кредиторам, является привлечение к субсидиарной ответственности, притом не только контролирующих лиц, но и лиц, иным образом причинивших вред кредиторам⁷⁸. Отмечается, что само по себе получение дохода ниже объективного потенциала прибыли от производственной деятельности не является незаконным и находится в сфере ведения органов управления корпорации, однако когда такой порядок организации отношений внутри группы начинает причинять вред кредиторам, то действия органов управления признаются недобросовестными⁷⁹.

Применительно к товариществам в настоящий момент закрепляется ничтожность соглашения об устранении кого-либо из товарищей от участия в распределении прибыли (ст. 1048 ГК РФ). Группа с центрами прибыли и убытка — это «львиное товарищество»⁸⁰, т.е. товарищество, в котором прибыль распределяется неравномерно. Тем не менее в действующем немецком праве допустимо создавать «львиные товарищества», поскольку цели товарищества не тождественны целям деятельности каждого из товарищей⁸¹. Эта идея исходит из противопоставимости целевых и меновых сделок⁸². Фактически это означает, что извлечение прибыли — только одна из целей, которую преследуют товарищи, но ею не ограничивается более глобальная цель по образованию группы. Именно из этого на настоящий момент исходит немецкое право, допуская, что кто-то из товарищей не получает прибыль от участия в совместной деятельности.

При этом следует понимать, что в отличие от обычного товарищества гражданского права, где лицо самостоятельно формирует свою волю и цели деятельности (например, как в случае с альтруистическими целями при строительстве больницы⁸³), в предпринимательской группе при наличии конечного бенефициара лицо, являющееся центром убытка, не получает прибыль помимо своей воли. В связи с этим важным является принцип равного положения товарищей, который в российском праве не развит⁸⁴, в немецком же праве при явной недобросовестности действи-

⁷⁷ См.: определение СКЭС ВС РФ от 25.09.2020 № 310-ЭС20-6760.

⁷⁸ См.: *Стасюк И.В.* Субсидиарная ответственность компании — «центра концентрации прибыли». Комментарий к определению Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 25.09.2020 № 310-ЭС20-6760 // Вестник экономического правосудия РФ. 2021. № 5. С. 5–12.

⁷⁹ См.: постановление Президиума ВАС РФ от 04.12.2012 № 8989/12 по делу № А28-5775/2011-223/12.

⁸⁰ Появление термина «львиное товарищество» (*societas leonina*) связано с басней Эзопа, в которой лев, проведя охоту совместно с ослом и лисицей, при дележе добычи в итоге практически всё забрал себе. См.: Римское частное право: учебник для бакалавров и магистров / отв. ред. И.Б. Новицкий, И.С. Перетерский. М., 2021. С. 517.

⁸¹ См.: *Горева А.А.* Договор простого товарищества и его виды: российское право в сравнительно-правовом аспекте // Вестник гражданского права. 2020. № 6. С. 30–66.

⁸² См.: *Савельев А.Б.* Договор простого товарищества в российском гражданском праве: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. С. 126.

⁸³ См.: *Горева А.А.* Указ. соч.

⁸⁴ См.: *Тальчиков С.А.* Договор простого товарищества в гражданском праве России: исторические традиции и современность: монография. М., 2015. С. 83.

тельность договора о создании такого неравноценного союза может быть оспорена по правилам о кабальных сделках (п. 2 § 138 ГГУ). Соответственно, применение положений ст. 1048 ГК РФ к ситуациям, когда внутри группы сформированы центры прибыли и центры убытка, является одним из вариантов защиты прав кредиторов: в этом случае в качестве общего последствия должна выступать реституция, в рамках которой должен происходить перерасчет выручки исходя из того, как она должна была бы распределяться в рамках рыночных отношений⁸⁵.

Заключение

Предпринимательская группа характеризуется наличием у нее собственно-группового интереса, с которым отождествляются и интересы всех ее участников, что объясняет в некоторых случаях конвалидацию убыточных сделок конкретного лица, если они выгодны для всей группы. К аналогичному выводу можно прийти, обращаясь к товарищеской модели внутригрупповых отношений, поскольку извлечение прибыли не должно вменяться в качестве приоритетной цели каждого из участников товарищества. Тем не менее, как и в случае с теорией Розенблюма, в товарищеской модели отношений установлены меры для защиты члена товарищества в случае, когда нарушается принцип равного положения товарищей. Стоит отметить, что действующая судебная практика однозначно запрещает «львиные товарищества», что может являться вектором развития и для банкротства предпринимательских групп.

Возвращаясь к задаче выведения определения предпринимательской группы, стоит обратиться к ранее предпринятым попыткам. Так, в упомянутом в начале настоящей статьи законопроекте Минэкономразвития дана следующая дефиниция: «...под предпринимательской группой понимается совокупность двух или более взаимозависимых юридических лиц, которые в продолжение не менее чем одного года до возбуждения дела о банкротстве предпринимательской группы были подконтрольны одному контролирующему лицу — члену этой предпринимательской группы и в течение указанного периода осуществляли свою основную деятельность под централизованным управлением контролирующего лица на основе единых управленческих, производственных и (или) технологических процессов» (ст. 230.1).

Это определение вряд ли может считаться удачным, поскольку, во-первых, в нем в предпринимательскую группу включаются только юридические лица; во-вторых, единственным критерием, используемым для отнесения лица к предпринимательской группе, является признак контроля — подконтрольность в течение одного года до возбуждения банкротства одному лицу и осуществление деятельности под его централизованным управлением. Кроме того, в данном определении к предпринимательским группам относятся только группы лиц, которые задействованы в едином производственном или технологическом процессе. Вместе с тем предпринимательские группы могут быть разнородными (включать в себя компании, занимающиеся различными сферами деятельности), и при буквальном прочтении определения из законопроекта они под него не попадают.

85

См.: определение СКЭС ВС РФ от 28.03.2019 № 305-ЭС18-17629 (2).

Резюмируя вышеизложенное, следует констатировать, что под предпринимательской группой понимаются отношения товарищества, т.е. объединение физических и юридических лиц — самостоятельных субъектов права с целью осуществления совместной деятельности, направленной на извлечение прибыли или достижение иной не противоречащей закону цели. Предпринимательская группа обладает признаком устойчивости отношений внутри группы, основанным на общем контроле, и осуществляет предпринимательскую деятельность при наличии общегруппового интереса, отличного от интереса отдельных лиц, входящих в группу.

The Concept of an Enterprise Group for Insolvency Purposes

The article analyses the phenomenon of an enterprise group for the purposes of insolvency law. At present, the absence of a conventional approach to an enterprise group, its legal personality and competitiveness does not allow solving many problems of bankruptcy law (for example, the possibility of consolidation, distribution of property among creditors, sale of property of several persons in a single lot and liability). The article considers the main criteria of an entrepreneurial group: the circle of persons included in the entrepreneurial group is defined; the factors influencing the stability of relations within the group are revealed; the presence of the general group interest, different from the interest of individuals in the group, is substantiated. The author notes that the most promising approach to understanding the entrepreneurial group is the consideration of the partnership model of relations within the group, because the perception through the prism of partnership allows to build the institution of bankruptcy of the entrepreneurial group in the already existing system.

Keywords: bankruptcy, enterprise group, material consolidation, procedural consolidation, group-wide interest

Alena Kozlova

Lawyer at *UBF Consulting Ltd*, Student at the Russian School of Private Law (e-mail: askozlova38@gmail.com).

References

- Anashkin S.P. The Theory of Personified Bankruptcy Estate [*Teoriya personifitsirovannoi konkursnoi massy*]. The Herald of Economic Justice of the Russian Federation [*Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya Rossiiskoi Federatsii*]. 2022. No. 10. P. 191–208.
- Arnautov D.R. Control over a Legal Entity as a Polybranch Institute of Law [*Kontrol' nad yuridicheskim litsom kak poliotraslevoi institut prava*]. Business Law. 'Law and Business' Application [*Predprinimatelskoe pravo. Prilozhenie 'Pravo i bizness'*]. 2020. No. 2. P. 27–34.
- Avilov G.E., Sukhanov E.A. Legal Entities in Modern Russian Civil Law [*Yuridicheskie litsa v sovremennom rossiiskom grazhdanskom prave*]. Civil Law Review [*Vestnik grazhdanskogo prava*]. 2006. No. 1. P. 14–25.
- Daniilova S.S. Interest of a Business Company in the Corporate Law of the Russian Federation and Germany: Concept, Content [*Interes khozyaistvennogo obschestva v korporativnom prave RF i Germanii: ponyatie, sodержanie*]. Business Law [*Predprinimatelskoe pravo*]. 2013. No. 3. P. 37–46.
- Egorov A.V. Effect of Affiliation on Bankruptcy [*Vliyanie affilirovannosti na bankrotstvo*]. Civilistics [*Tsivilistika*]. 2021. No. 2. P. 20–67.
- Gabov A.V. Affiliation in Insolvency (Bankruptcy) Cases [*Affilirovannost' v delakh o nesostoyatelnosti (bankrotstve)*], in: Vitryanskiy V.V., Sukhanov E.A., eds. Civil Law of the Social State: A Collection of Articles Dedicated to the 90th Anniversary of the Birth of Professor A.L. Makovsky (1930–2020) [*Grazhdanskoe pravo sotsialnogo gosudarstva: sb. st., posvyaschenniy 90-letiyu so dnya rozhdeniya prof. A.L. Makovskogo (1930–2020)*]. Moscow, Statut, 2020. P. 295–322.
- Gabov A.V. Economic Dependence of Legal Persons: Some Reflections on the Development of the Institution [*Ekonomicheskaya zavisimost' yuridicheskikh lits: otdelnye razmyshleniya o razvitiy instituta*]. Civil Law [*Grazhdanskoe pravo*]. 2022. No. 3. P. 11–21.
- Gorbashov I.V. Peculiarities of Insolvency (Bankruptcy) of Corporate Groups on the Basis of Material Consolidation: Comparative Legal Study: A PhD Thesis in Law [*Osobennosti nesostoyatelnosti (bankrotstva) korporativnykh grupp na osnove materialnoi konsolidatsii: sravnitelno-pravovoe issledovanie: dis. ... kand. yurid. nauk*]. Ekaterinburg, 2022. 200 p.

- Goreva A.A. Simple Partnership Agreement and Its Types: Russian Law in Comparative Legal Perspective [*Dogovor prostogo tovarishchestva i ego vidy: rossiiskoe pravo v sravnitelno-pravovom aspekte*]. Civil Law Review [Vestnik grazhdanskogo prava]. 2020. No. 6. P. 30–66.
- Goreva A.A., Zhestovskaya D.A. Reform of Civil Partnership Law in Germany: Translation of Section 16 'Partnership' of the German Civil Code [*Reforma zakonodatelstva o grazhdanskikh tovarishestvakh v Germanii: perevod razдела 16 'Tovarishchestvo' Germanskogo grazhdanskogo ulozheniya*]. The Herald of Economic Justice of the Russian Federation [Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya Rossiiskoi Federatsii]. 2022. No. 6. P. 122–153.
- Goryaev N.Yu. Trends in the Development of Legislation in the Area of Insolvency (Bankruptcy) of Enterprise Groups [*Tendentsii razvitiya zakonodatelstva v sfere nesostoyatelnosti (bankrotstva) predprinimatelskikh grupp*], in: Karelina S.A., Frolov I.V., eds. Institute of Insolvency (Bankruptcy) in the Legal System of Russia and Foreign Countries: Theory and Practice of Law Enforcement: Monograph [*Institut nesostoyatelnosti (bankrotstva) v pravovoi sisteme Rossii i zarubezhnykh stran: teoriya i praktika pravoprimeniya. Monografiya*]. Moscow, Yustitsinform, 2020. P. 128–136.
- Gubin E.P., ed. Entrepreneurial Law of Russia: Results, Trends and Ways of Development: Monograph [*Predprinimatelskoe pravo Rossii: itogi, tendentsii i puti razvitiya: monografiya*]. Moscow, Yustitsinform, 2019. 664 p.
- Ioffe O.S. Selected Works on Civil Law. From the History of Civilistic Thought. Civil Legal Relation. Critique of the Theory of 'Economic Law' [*Izbrannye trudy po grazhdanskomu pravu. Iz istorii tsivilisticheskoi mysli. Grazhdanskoe pravootnoshenie. Kritika teorii 'khozyaistvennogo prava'*]. 3rd ed. Moscow, Statut, 2009. 780 p.
- Karelina S.A., Frolov I.V., eds. Institute of Insolvency (Bankruptcy) in the Legal System of Russia and Foreign Countries: Theory and Practice of Law Enforcement: Monograph [*Institut nesostoyatelnosti (bankrotstva) v pravovoi sisteme Rossii i zarubezhnykh stran: teoriya i praktika pravoprimeniya. Monografiya*]. Moscow, Yustitsinform, 2020. 360 p.
- Kripak I.I. Complex Collective Subject of Law: Problems of General Theory and Practice: A PhD Thesis in Law [*Slozhnyi kollektivnyi sub'ekt prava: problemy obschei teorii i praktiki: dis. ... kand. jurid. nauk*]. Kostroma, 2006. 225 p.
- Lapteva V.A. Entrepreneurial Associations: Holdings, Financial and Industrial Groups, Simple Partnerships [*Predprinimatelskie ob'edineniya: kholdingi, finansovo-promyshlennye gruppy, prostye tovarishchestva*]. Moscow, Wolters Kluwer, 2008. 176 p.
- Makovskiy A.L. Should the Civil Code Be Amended? A Small Illustration of the Big Questions [*Nado li vnosit' izmeneniya v Grazhdanskii kodeks? Malenkaya illyustratsiya k bolshim voprosam*]. Law and Economics [Pravo i ekonomika]. 1998. No. 1. P. 25–27.
- McJohn S.M. Person or Property? On the Legal Nature of the Bankruptcy Estate. Bankruptcy Developments Journal. 1994. Vol. 10.
- McNeill R.St., Slaugh D.R. Substantive Consolidation: A National Survey. Alexandria, American Bankruptcy Institute, 2019. 144 p.
- Micheler E. *Company Law: A Real Entity Theory*. Cambridge, CUP, 2023. 282 p.
- Mikhailov S.V. On Corporate Interest [*O korporativnom interese*], in: Corporations and Institutions [*Korporatsii i uchrezhdeniya*]. Moscow, Statut, 2007. P. 119–126.
- Mogilevskiy S.D., Egorova M.A. Legal Grounds for the Development of Provisions on Corporate Control in Civil Legislation [*Pravovye osnovaniya dlya razvitiya polozheniy o korporativnom kontrole v grazhdanskom zakonodatelstve*], in: Mogilevskiy S.D., Egorova M.A., eds. Collection of Scientific Articles of III International Scientific and Practical Conference 'Actual Problems of Business and Corporate Law in Russia and Abroad' [*Sb. nauch. st. III Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. 'Aktualnye problemy predprinimatelskogo i korporativnogo prava v Rossii i za rubezhom*]. Moscow, Yustitsinform, 2016. P. 16–32.
- Novitskiy I.B., Pereterskiy I.S., eds. Roman Private Law: Textbook for Bachelors and Masters Students [*Rimskoe chastnoe pravo: uchebnik dlya bakalavrov i magistr*]. Moscow, Korus, 2021. 608 p.
- Osmanova D.O. Legal Personality of Separate Legal Entities [*Pravosub'ektnost' otdelnykh pravovykh obrazovaniy*]. Economy and Law [Khozyaistvo i pravo]. 2022. No. 12. P. 3–26.
- Polich S.B. Some Peculiarities of Legal Personality of Persons — Participants of Civil and Family Relations [*Nekotorye osobennosti pravosub'ektnosti lits — uchastnikov grazhdanskikh i semeinykh otnosheniy*]. The Herald of Perm University. Legal Sciences [Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki]. 2018. No. 4. P. 664–684.
- Portnoy K.Ya. Legal Status of Holding Companies in Russia: A PhD Thesis in Law [*Pravovoe polozhenie kholdingov v Rossii: dis. ... kand. jurid. nauk*]. Moscow, 2003. 197 p.
- Salmond J. W. *Salmond on Jurisprudence*. London, Sweet and Maxwell, 1966. 481 p.
- Saprykin A.A. On the Competitiveness of an Enterprise Group [*K voprosu o konkurentosposobnosti predprinimatelskoi gruppy*]. The Herald of Arbitrazh Practice [Vestnik arbitrazhnoi praktiki]. 2022. No. 5. P. 28–40.
- Saveliev A.B. Contract of Simple Partnership in Russian Civil Law: A PhD Thesis in Law [*Dogovor prostogo tovarishchestva v rossiiskom grazhdanskom prave: dis. ... kand. jurid. nauk*]. Moscow, 2003. 188 p.
- Sen'shin A.E. Legal Personality of Enterprise Groups in Legal Relations of Insolvency (Bankruptcy) [*Pravosub'ektnost' predprinimatelskikh grupp v pravootnosheniyakh nesostoyatelnosti (bankrotstva)*]. Actual Problems of Russian Law [Aktualnye problemy rossiiskogo prava]. 2022. No. 8. P. 111–117.

- Shaidullin A.I. Reflections on *de facto* Affiliation: Detecting Rather Than Punishing for Not Entirely Reasonable Behaviour [*Razmyshleniya o fakticheskoi affilirovannosti: viyavit', a ne nakazat za ne vpolne razumnoe povedenie*]. *Civilistics [Tsvivilistika]*. 2021. No. 3. P. 200–209.
- Shershenevich G.F. A Course in Commercial Law [*Kurs torgovogo prava*]. Moscow, Statut, 2003. 548 p.
- Shershenevich G.F. Competitive Process [*Konkursnyi protsess*]. 3rd ed. Moscow, Statut, 2021. 477 p.
- Shevchenko I.M. On the Issue of Consideration in Bankruptcy Cases of Claims Based on Intracorporate (Intragroup) Relations [*K voprosu o rassmotrenii v delakh o bankrotstve trebovaniy, osnovannykh na otnosheniyakh vnutrikorporativnogo (vnutrigruppovogo) kharaktera*]. *Arbitrazh Disputes [Arbitrazhnye spory]*. 2018. No. 4. P. 36–54.
- Shishmareva T.P. Insolvency Institution in Russia and Germany [*Institut nesostoyatelnosti v Rossii i Germanii*]. Moscow, Statut, 2015. 330 p.
- Shitkina I.S. Holdings: Legal Regulation and Corporate Governance [*Kholdingi: pravovoe regulirovanie i korporativnoe upravlenie*]. Moscow, Wolters Kluwer, 2006. 615 p.
- Shitkina I.S. Revealing and Considering Common Economic Interests of Group of Companies (Participants of a Holding) When Making Major Transactions and Interested Party Transactions [*Viyavlenie i uchët obschikh ekonomicheskikh interesov gruppy kompaniy (uchastnikov kholdinga) pri sovershenii krupnykh sdelok i sdelok, v sovershenii kotorykh imeetsya zainteresovannost*]. *Statute [Zakon]*. 2019. No. 6. P. 172–181.
- Stasyuk I.V. Subsidiary Liability of a 'Profit Concentration Centre' Company [*Subsidiarnaya otvetstvennost' kompanii — 'tsentra kontsentratsii pribyli'*]. *The Herald of Economic Justice of the Russian Federation [Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya Rossiiskoi Federatsii]*. 2021. No. 5. P. 5–12.
- Stepanov D.I. Interests of Corporation and Its Shareholders [*Interesy yuridicheskogo litsa i ego uchastnikov*]. *The Herald of Economic Justice of the Russian Federation [Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya Rossiiskoi Federatsii]*. 2015. No. 1. P. 29–83.
- Sukhanov E.A. Company and Legal Entity [*Predpriyatie i yuridicheskoe litso*]. *Economy and Law [Khozyaistvo i pravo]*. 2004. No. 7. P. 3–11.
- Sukhanov E.A. On the Legal Status of Concerns in Modern Foreign Literature [*O pravovom statusе kontsernov v sovremennoi zarubezhnoi literature*]. *Civil Law Review [Vestnik grazhdanskogo prava]*. 2017. No. 4. P. 283–295.
- Sukhanov E.A. On the Subject of Corporate Law [*O predmete korporativnogo prava*], in: Gongalo B.M., Em V.S., eds. *Actual Problems of Private Law: Collection of Articles for the Anniversary of P.V. Krasheninnikov [Aktualnye problemy chastnogo prava: sb. st. k yubileyu P.V. Krasheninnikova]*. Moscow, Statut, 2014. P. 227–249.
- Talchikov S.A. The Contract of Simple Partnership in the Civil Law of Russia: Historical Traditions and Modernity. Monograph [*Dogovor prostogo tovarischestva v grazhdanskom prave Rossii: istoricheskie traditsii i sovremennost'*. *Monografiya*]. Moscow, Prospekt, 2015. 270 p.
- Tsepov G.V. Ensuring the Interests of the Parent Company in the Holding Company [*Obespechenie interesov glavnoi kompanii v kholdinge*]. *Statute [Zakon]*. 2007. No. 3. P. 75–88.